

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПРОТОИЕРЕЯ ПЕТРА ИВАНОВСКОГО

***От Господа исправляются стопы мужу:
смертный же како уразумеет пути своя.***

Притч. Солом, 20, 24.

Это описание жизненного пути исповедника протоиерея Петра составлено в 2008 году духовными чадами протоиерея Николая Ивановича Кузьмина. Они использовали при этом документы из архива Нины Петровны Ивановской. Основным из них является её рукопись с воспоминаниями о жизни её родителей. Написаны воспоминания в 1988 году и ценны тем, что в них глазами очевидца живо изображены характерные черты жизни нашей матери Церкви в период с 1918 по 1937 год.

Родители протоиерея Петра

Родословная протоиерея Петра (Петра Никандровича Ивановского) ведётся из села Холмогор Архангельской губернии. Его прадед, Василий Ивановский, был дьяком в Холмогорской церкви. Деда звали Дмитрий, а отца — Никандр. У Никандра Дмитриевича было много братьев и сестёр, и в том числе брат Александр, священник Архангельской церкви.

Мать Петра Никандровича, Екатерина Федоровна, была дочерью генерала Федора Григорьевича Сборомирского. Она была родом из Архангельска и здесь

Протоиерей
Петр Никандрович Ивановский. 1920 г.

познакомилась с будущим своим мужем, Никандром Дмитриевичем. В Архангельске у четы Ивановских появились на свет Любовь (умерла в младенчестве), Юлия, Валентина, Александр и Пётр.

Пётр Никандрович родился 4 июля (по новому стилю) 1881 года. Вскоре после этого семья переехала в Санкт-Петербург, и здесь родился младший брат отца Петра, Арсений. Никандр Дмитриевич, хотя и много работал, но семья жила очень бедно. Через десять лет после свадьбы он скончался, и 26-летняя вдова осталась с пятью детьми. Екатерина Федоровна не опустила руки и с Божьей по-

мощью сумела всем своим детям дать хорошее образование. Дочь Юлия окончила гимназию. Вторая дочь, Валентина, после гимназии окончила художественную школу Штиглица. Старший сын Александр — Медицинскую Академию, Арсенный — юридический факультет Университета.

Второй сын, Пётр, в 1900 году окончил гимназию, а в 1904 году — филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Преподавание русского языка и литературы в Технической школе при ЭЗГБ

В 1904 году Петра Никандровича, как специалиста по русскому языку и литературе, пригласили преподавать в Техническую школу при Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ).

«Фабрика ЭЗГБ, — как пишет в своих воспоминаниях Нина Петровна, — была очень привилегированной. Князь Голицын, который был начальником ЭЗГБ, очень заботился и о служащих, и о рабочих фабрики. И те, и другие имели квартиры на территории фабрики, а кроме того, были построены дома для рабочих на Дровяной ул., в Таракановском пер., Ревельском пер., на Курляндской улице.

Для детей рабочих была построена большая Техническая школа, где они кроме хорошего среднего образования получали еще и ценные специальности. Девочки выходили хорошими портнихами, вышивальщицами, кулинарами, а мальчики граверами, фотографами и проч. Кроме того, князь Голицын, сам прекрасный музыкант, экзаменовал мальчиков на наличие слуха и музыкальности, из способных он создал чудный хор и капеллу, которая пела в церкви, там была больница, аптека, клуб, 2-этажный магазин. Для рабочих Голицын скупал землю в районе Дачного, Сергиева и продавал им по низкой цене, чтобы они там строили себе дачи».

Редактирование дневника святого праведного Иоанна Кронштадтского

При фабрике был прекрасный храм в честь прмч. Андрея Критского. Настоятелем его был директор школы священномученик протоиерей Философ (Орнатский, 1860–1918)¹. Часто бывал на фабрике и с любовью заботился обо всех сторонах жизни её сотрудников святой праведный Иоанн Кронштадтский. Здесь и познакомился с ним Пётр Никандрович. В 1907 году отец Иоанн поручил

¹ Память празднуется 31 мая (13 июня).

ему заняться редакцией его дневника за 1907 год, а затем и за 1908 год. В конце 1907 года святой праведный Иоанн Кронштадтский подарил Петру Никандровичу свой портрет со следующей трогательной подписью:

«Петру Никандровичу Ивановскому в знак моей глубокой благодарности за труд его по редакции моего дневника.

Протоиерей Иоанн Сергиев 23 Дек. 1907».

Подпись эта говорит об очень близком общении ученого-филолога и Великого Чудотворца. Пётр Никандрович должен был не только отредактировать содержание дневника. *Дорогой Батюшка* поручил ему это содержание распределить по главам. И главы эти нужно было расположить так, чтобы христианин ясно увидел, как следует жить, чтобы *«приобщиться Христу, а в Нем приобщиться вечной блаженной жизни»* (стр. IV предисловия П. Ивановского).

По слову архимандрита Бориса¹, духовного отца митрополита Германа:

*«Мы и вся природа — это одна великая семья Божия. Бог — Отец наш всемилостивый. ...От одного сердца человеческого к другому идут невидимые волны. В общении с человеком облагодатствованным всегда легко. Те которые имели счастье общаться с людьми облагодатствованными на самих себе испытали это влияние. И народная мудрость это чувствовала. Сердце сердцу весть подает».*²

В последние годы своей жизни святой праведный Иоанн Кронштадтский особо живо и реально ощущал себя членом единой Церкви Христовой, и Земной, и Небесной, чадом одной великой семьи Божией. И эта весть от его сердца перешла и в сердце Петра Никандровича. И он, желая послужить Церкви Христовой подобно святому праведному Иоанну Кронштадтскому, в 1909 году поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

В этом же году он обвенчался с Марией Николаевной Матвеевой (12.09.1883–24.07.1952). Она окончила Коломенскую гимназию, а затем в Санкт-Петербурге Высшие женские педагогические курсы и после этого стала преподавать историю в той же школе, где работал и Петр Никандрович.

Служение в храме Андрея Критского при ЭЗГБ

В 1913 году Пётр Никандрович закончил Духовную Академию и, как пишет Нина Петровна, «4-го ноября 1913 г. в день Казанской Божьей Матери был посвящен в священники и назначен настоятелем храма при фабрике ЭЗГБ.

¹ Краткое описание жизни архимандрита Бориса приводится в Приложении 2.

² Цитируется по книге: Духовное наследие архимандрита Бориса (Холчева). М., 2006. С. 137,156.

Первое время после женитьбы мои родители жили на Покровской площади (пл. Тургенева) в доме № 97, в 3-комнатной квартире на третьем этаже. В этой же квартире родилась и я 30-го апреля (13 мая) 1913 г.

Мама с моим рождением перестала работать в школе. Вскоре папа, как настоятель храма и директор школы, получил пятикомнатную квартиру на территории фабрики».

Недолго пришлось им пожить в пятикомнатной квартире. С приходом новой власти пришлось им её покинуть. Помогло преодолеть эту трудность, как пишет Нина Петровна, следующее: «Здание церкви соединялось со школой большим широким коридором. Архитектор фабрики А. Э. Ивон (француз) сумел выкроить нам под церковью из школьного коридора квартирку в 3 комнаты. Мы переехали туда и хоть не без утечки, но собрали кое-что из своих вещей».

Далее Нина Петровна живо и просто пишет о том, как начался исповеднический подвиг её отца:

«В эти годы началась борьба и с религией. Почти все духовенство района было арестовано и расстреляно. Как-то раз и папа получил повестку явиться в комендатуру на Обводном канале (теперь там детская инфекционная больница). Провожать его мы пошли все, т.е. мама, я, дядя Арся¹, папин псаломщик Федор Степанович и папина духовная дочь Наталия Семеновна. В этот день папу отпустили домой, с тем, что он явится на следующий день. На завтра мы пошли опять, папа был вызван в кабинет, а мы ждали на лестнице. Когда папа был уже у коменданта, оттуда выскочила какая-то красивая дама, на ходу сунула мне в руки маленькую коробочку конфет, которых в продаже уже не было, и исчезла. Кто это был — не знаю.

Комендант сказал папе, что должен его расстрелять, но отпустил его. Это было в 1918 году. Спустя года два-три, папа, служа в храме, крестил одного младенца — Голубева. Крестные спросили: «Батюшка, Вам ничего не говорит фамилия ребенка?». Папа не мог ничего припомнить, т.к. фамилия очень распространённая. «Это сын того коменданта, который Вас вызывал в 1918 году. Когда родился ребенок, отец сказал, чтобы крестил его только священник Ивановский», — пояснили крестные.

В этом же году, я, будучи 5 лет, начала учиться музыке.

В это время вышел закон об отделении церкви от государства. Папа обрадовался. Теперь он мог находиться только в подчинении Петроградского Митрополита Вениамина, который очень любил папу. Папа немедленно проявил свою органи-

¹ Младший брат отца Петра — Арсений Никандрович. Он жил со своей мамой — Екатериной Федоровной на пр. Огородников, д. 4, кв. 5.

Протоиерей Петр Никандрович Ивановский с дочерью Ниной. 1920 г.

зационную деятельность: при храме открыл богословские курсы для взрослых, организовал библиотеку (его библиотекарша до сих пор ходит в Никольский собор¹), обучение детей Закону Божию и, конечно, пению, для чего нашел двух

¹ В последние годы жизни Нина Петровна также в основном посещала Николо-Богоявленский кафедральный собор, так как жила рядом с ним.

хороших регентов. Доставал где-то дешевые издания разных духовных книжек, листков, жития святых и раздавал все это в церкви.

В церковь часто приезжал Митрополит. Приезжая, он всегда привозил мне какой-нибудь подарок: маленький серебряный крестик, маленькую серебряную ложечку, маленькое издание Евангелия, которое я храню, как святыню и благословение погибшего Владыки Вениамина (убит в 1922 году).

В 1921 г., помню, я проснулась утром и кричу маму. Вместо мамы подошла ко мне какая-то посторонняя женщина и начала меня успокаивать. Пока я одевалась, женщина рассказала мне, в чем дело: вся квартира была разворочена, т.к. был обыск, и папу арестовали. Но... не смогли увезти. Они приехали за папой в 5 часов утра и поставили у входа в школьный двор конвоира. А в это время рабочие, жившие рядом в переулках, шли на работу. Увидев конвоира, они сразу поняли, что он караулит не школьников, а папу. Поднялся весь проживающий рядом народ, очень тихо вошли и забили всю лестницу, где находилась наша квартира, и стали ждать. Когда открылась дверь и стали выводить папу, народ закричал: «Не пустим». Они оттерли папу от конвоиров в находящуюся рядом на той же площадке церковь и сказали, что вместо него поедут представители рабочих для выяснения причины ареста папы. Конвоиры согласились и с ними поехали 5 человек рабочих и Наталия Семеновна. Фабрика в этот день не работала, т.к. рабочие не уходили до вечера из церкви и с нашей лестницы, ожидая возвращения «делегатов». В ГПУ им сказали, что это — «ошибка».

Случай этот хорошо помнит Глафира Ивановна¹. Она жила на 10-й роте². Желая пойти утром в церковь к ранней обедне, она не смогла пройти по Рижскому проспекту, так как он был забит народом. Тогда она и узнала о попытке арестовать папу.

Не сумев этого сделать из-за заступничества рабочих, ГПУ пошло на другой шаг: летом 1922 г. папа получил повестку явиться куда-то. Это было в день его именин³. Он отслужил обедню, выпил чая и поехал по указанному адресу. Обрато он вернулся... через два месяца, но все же вернулся».

Арест и первая ссылка в Усть-Кулом

В январе 1923 г. отца Петра, как пишет Нина Петровна, «опять арестовали, взяли из дома. Некоторое время он сидел в тюрьме на Шпалерной улице (ул. Во-

¹ Глафира Ивановна Ларионова (1.05.1900–5.02.1991) — духовная дочь отца Петра. Когда начались гонения, она самоотверженно стала помогать отцу Петру и его семье.

² 10-я Красноармейская улица.

³ День памяти святых первоверховных Апостолов Петра и Павла — 29 июня (12 июля).

инова, 25), а затем был перевезен в Москву. Об его отправке в Москву мы узнали случайно: когда поздно вечером по городу на вокзал вели партию арестантов, то какая-то женщина крикнула: «Нет ли здесь священника Ивановского?» Папа откликнулся, женщина сказала: «Батюшка, я сейчас поеду и сообщу вашей семье». Около часа ночи она приехала к нам и рассказала, что папу повели на Московский вокзал. Мама и бывший в это время у нас дядя Арся поехали туда и виделись с папой. Вскоре и мы, т.е. мама, я и дядя Арся поехали в Москву.

Папа и с ним еще 4 человека ленинградского духовенства сидели сначала во внутренней тюрьме на Лубянке, затем их перевели в Бутырскую тюрьму. О его переводе нам сказали, вернув нам наволочку с передачей, которая была вся искрошена, перемешана в кашу. Я, увидев эту передачу, стала реветь и кричать: «Расстреляли, расстреляли, мерзавцы». Мама не знала, как мне заткнуть глотку: ведь находились-то мы в помещении ГПУ.

В Москву после революции была переведена часть фабрики ГОЗНАК и переселены многие рабочие. Когда они узнали, что папу привезли в Москву, они сейчас же устроили нас жить в своих комнатах. В Москве мы провели месяца три.

В Бутырской тюрьме мы получали раз в неделю «общие свидания». Каждый раз это стоило больших хлопот, заявлений, ходьбы «по учреждениям» и т.д. «Общее свидание» состоит в том, что посреди огромной комнаты тянется коридор, шириной, может быть, около метра, с расположенными по его обеим сторонам окнами, затянутыми мелкой решеткой, одно окно против другого, а окон таких по всей длине было 15–20. Между этими стенами в конце коридора сидит конвоир.

С одной стороны к этим окнам подходят арестованные, а с противоположной — родственники. Когда родных впускают, то арестанты уже стоят у окошек. Но найти своего арестанта трудно, т.к. освещение плохое, а решетка затемняет лицо. Родственники мечутся по окнам, ищут, спешат, т.к. свидание очень короткое и жаль терять минуты, все кричат, шум такой, что ничего не слышно из того, что хотят сказать друг другу родные.

После вынесения «приговора» о высылке папы в область Коми на три года нам дали одно «личное» свидание, т.е. то же самое, только без решеток. Но протянуть руку друг другу нельзя: сидящий в середине конвоир поймает. Затем папу перевели в Таганскую тюрьму. Мы укараулили момент перевода, и когда партию вывели из тюрьмы, то (по указанию дяди Арси) я бросилась в ряды арестантов, где шел папа, и поцеловала его.

Партия была огромная. В передних рядах шло духовенство, затем «политические» — очевидно, троцкисты или эсеры, а в последних и самых многочисленных — «шпана», т.е. уголовники. В Таганской тюрьме папа пробыл с неделю. Все

это время мы с утра до вечера проводили на улице у ворот тюрьмы, т.к. не знали точно, когда их будут отправлять в ссылку.

Наконец настало 13 мая, когда мне исполнилось 10 лет. С самого утра, как и всегда, мы сидели у ворот на улице. Я говорю «мы», т.к. кроме нас троих провожающего народа была тьма. Часов в шесть вечера ворота растворились и через них стали выводить арестантов в таком порядке: впереди — духовенство, далее — политические, последние — шпана. Я и тут проскочила в ряды, чтобы поцеловать папу. Партия была колоссальная. Было очень много духовенства из Москвы. Как сейчас помню фигуру митрополита Серафима Чичагова¹ (бывшего известного адмирала), очень полного, грузного старца, еле передвигавшего ноги; рядом с ним епископ Серафим Звездинский² — высокий, красивый, как картина, с прекрасной белой бородой. В ряду с папой шел епископ Николай Петергофский³, впоследствии известный всему миру, участник всех ассамблей, — Митрополит Николай, и старый больной настоятель Никольского собора — о. Александр Беляев⁴. Всю эту массу повели на Ленинградский вокзал, а мы поехали туда на трамвае. Что творилось на вокзале, описать трудно. Провожающие стремились подойти к арестованным: конвой разгонял толпу, угрожая стрельбой; крики, давка...

Наконец, арестованных набили в специальные вагоны, и поезд отправился. На другой день мы уехали в Ленинград, чтобы подготовиться к отъезду к папе в область Коми. В это время закрыли храм, где папа служил, и нам было приказано освободить квартиру. Все внимание было отдано роялю, который перевезли к знакомым на 10-ю Красноармейскую улицу. Все остальное было роздано на «хранение» в разные руки. Я устраивала «свои» вещи, т.е. кукол: я отдала их своей двоюродной сестре, Танюрке Сидоровой, которой в то время было 12 лет. Сами мы переехали к бабушке и дяде Арсе на пр. Огородникова, д. 4, кв. 5. А вскоре мы с мамой и еще одной монахиней, матушкой Авраамией, поехали к папе в ссылку в Усть-Кулом.

¹ Священномученик митрополит Серафим (Леонид Михайлович Чичагов, 1856–1937). Память празднуется 28 ноября (11 декабря).

² Священномученик епископ Серафим (Николай Иванович Звездинский, 1883–1937). Память празднуется 13 (26) августа.

³ Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Борис Дорофеевич Ярушевич, родился 31 декабря 1891 года в семье священника, скончался 13 декабря 1961 года в Москве в Боткинской больнице, погребен в Троице-Сергиевой Лавре).

⁴ Протоиерей Александр Николаевич (Беляев, 1866–1928) родился в Мещерском уезде Калужской губернии в семье священника. В 1894 году окончил Московскую Духовную Академию. В 1897 году начал служить в Николо-Богоявленском соборе, с 1919 по 1923 год был его настоятелем. В феврале 1923 года был арестован и сослан в Зырянский край. С декабря 1924 года снова стал служить в этом же соборе. Погребен в Александро-Невской Лавре.

Путешествие до Усть-Кулома было очень трудным и долгим: сначала поездом до Вологды, далее — пересадка на пароход до Котласа по р. Сухоне. В Котласе мы пересели на небольшой колесный пароход до Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар) по р. Вычегде. При каждой пересадке приходилось подолгу ждать дальнейшего транспорта, иногда и с ночевкой. В Усть-Сысольске пришлось жить несколько дней, т.к. сообщение с Усть-Куломом по обмелевшей Вычегде было редкое; взад и вперед курсировал только один буксир «Ветлуга», тянувший за собой пассажирскую баржу «Утку». Расстояние в 270 км преодолевалось не менее чем в 2 суток. В Усть-Сысольске я переживала ужасные муки от тараканов, которых в области Коми несметное множество. А на барже «Утка» добавились еще и комары.

Не помню сейчас, сколько дней нам потребовалось на все путешествие, что-нибудь около недели. Но наконец мы добрались до Усть-Кулома. Папа встретил нас на пристани, т.е. собственно «пристани» там не было, просто пароход подходил к определенному месту берега, спускался трап, и по нему надо было перебираться на сухой берег, причем трап не только качался, но еще своим концом попадал иногда в воду.

Усть-Кулом представлял из себя большое зырянское село, растянутое вдоль Вычегды, с церковью, школой, почтой, захудалой больницей и с избами, большинство из которых имели две половины: одну одноэтажную, а другую 2-этажную, т.е. внизу кухня, а наверху комната. Из учреждений же было два лесничества: «Северолес» и «Русголландлес», и НКВД, конечно. Папа устроился работать в «Северолес» счетоводом. Штат состоял из 2 человек: заведующий Константин Андреевич Барцелович-Марценьяк и счетовод — папа. Но скоро его уволили по «социальному положению».

Жили мы в отдельном домике, где была только большая кухня и маленькая комната. Зыряне очень хорошо относились к выселенным и охотно сдавали им помещение. Из высланного духовенства в Усть-Куломе в это время находились кроме папы епископ Николай Петергофский, о. Александр Беляев и еще один священник, о. Михаил Шилов из Великого Устюга. Кроме того, туда были высланы «троцкисты»: молодая еврейка Пейса Пикусовна Винник и еще один молодой человек, фамилии не помню. Забегая вперед, скажу, что Пейса Пикусовна и этот молодой человек решили пожениться, для чего Пейса ходила к Владыке Николаю, много с ним беседовала и, в конце концов, приняла от него православие, и тогда они поженились. Куда они потом делись — не знаю.

Все разнообразие жизни в Усть-Куломе состояло во встрече парохода, который привозил почту, но ходил редко, особенно летом. Как только послышится гудок парохода, весь народ бежит на пристань, и мы в том числе.

Приблизительно месяц спустя после нашего приезда, летом мы пошли к пароходу. Как всегда, «Ветлуга» тащила за собой баржу «Утку». На этот раз на барже было много народа, в основном — духовенство. Оказалось, что привезли ссыльных из Усть-Сысольска: митрополита Кирилла Казанского¹, двух епископов и несколько священников из Москвы, Коврова², Тамбова, Уфы. Архиереи приехали со своими келейниками, а некоторые священники — с женами. Вместе с ними приехал и еще один троцкист или эсер, не знаю, врач Николай Николаевич Розанов. Все приехавшее духовенство с семьями папа с парохода привел к нам. У нас они отдохнули и разошлись в поисках себе жилья, которое все они быстро нашли, т.к., как я говорила, зыряне принимали ссыльное духовенство с радостью.

В местную церковь мы сначала не ходили. Службы совершались на домах в двух местах: наша семья, о. Александр Беляев и о. Михаил Шилов ходили к епископу Николаю, он служил в своей комнате. В шутку это называлась «Ленинградская епархия». А все, приехавшие после, собирались у Митрополита Кирилла — «Московская епархия». Но в большие праздники мы все шли к Митрополиту. Духовенство было с очень хорошими голосами, особенно сам Митрополит, у которого был чудный бас. Так что пение было прекрасное. Женские голоса представляли мы с матушкой Авраамией. Тоска и однообразие ссылочной жизни объединяли всех, а так как мы жили семьей, то к нам все и приходило вечером посидеть и развеять тоску. Особенно часто, почти ежедневно, к нам приходил епископ Николай. Ему было тогда всего 33–34 года, он очень скучал, выписывал много газет, чтобы хоть поздно, но быть в курсе жизни. Ведь ни радио, ни тем более телевизоров в то время не было, и вся наша связь с «миром» осуществлялась письмами, которые приходили неравномерно из-за плохого пароходства летом и редкой связи на лошадях зимой. Однажды приехали какие-то работники метеослужбы. Они искали человека, который взялся бы давать метеосводки. Так как среди местного населения кандидатуры не нашлось, то за эту работу взялся епископ Николай. Ему поставили около дома на столбе будку с приборами, и он занялся наблюдениями за природными явлениями.

В Усть-Куломе было много собак-лаек. Это охотничья порода, а у меня зимнее пальто было удлинено мехом ангорского козла. Все собаки гонялись за мной.

¹ Священномученик Митрополит Кирилл (Константин Илларионович Смирнов, 1863–1937). Память празднуется 7 (20) ноября.

² Епископ из Коврова — это исповедник святитель Афанасий (Сахаров, 1884–1962). Память празднуется 15 (28) октября. В Зырянском крае он так сблизился с Митрополитом Кириллом, что тот стал для него и духовным отцом, и другом.

Однажды на меня напали сразу 4 или 5 собак. Я кричала от страха, прячась за маму, а ей нечем было их отогнать. Спас случайно проходивший мимо Митрополит Кирилл, который своим посохом разогнал собак.

К этому времени у меня завелись подружки. Я им показывала свою куклу с закрывающимися глазами, которую они называли «синкунян аиань». Кроме того, у меня был большой мячик. Эти вещи для них были диковинкой. Первое время мы играли молча, т.к. я не говорила по-зырянски, а они по-русски. Но очень скоро у нас появилось и словесное общение, мы научились друг от друга и разговаривали в результате на смешанном языке, хорошо понимая друг друга. К концу ссылки я уже порядочно говорила по-зырянски.

В Усть-Куломе я под руководством папы «видела» и наблюдала природу. Весеннее вскрытие реки, ручейки, развитие головастиков в прудах и т.д. А зимой мы несколько раз видели величественное зрелище — северное сияние и один раз — мираж. Все это было очень интересно и оставило незабываемое впечатление.

В Рождество ребята, в основном мальчики, ходили «славить Христа». Они делали себе из бумаги большую звезду, ходили по домам и пели колядки. За это они получали от хозяев какое-нибудь угощение. Пели-то они по-русски, но выговаривали так, что понять было почти невозможно. В последний год нашего там пребывания папа и мама сделали елку для моих «подруг». Это тоже для них было диво. Елку-то там достать легко, но украшений не было, и украшали мы ее конфетками, разноцветными бумажками и мятными пряниками, которые мама пекла изумительно. Были даже свечки.

Намучив меня за день учебой, родители доставляли мне и «удовольствие»: вечером папа читал мне книги, которые давал *местный* священник. Там я познакомилась с моим любимым Н. В. Гоголем, прочитав все его произведения, а также «Капитанскую дочку», «Князя Серебряного» и много других книг. Но на меня очень сильное впечатление произвели произведения Г. Сенкевича, которых я потом больше нигде не могла достать, это «Камо грядеши» и трилогия: «Потоп», «Огнём и мечом» и «Пан Володыевский». С удовольствием вспоминаю эти вечера.

В 1924 г. прибыло пополнение высланных: приехал епископ Феофил Новоторжский¹, священник о. Вячеслав Сериков с Дона и миссионер из Оренбурга Дмитрий Архипович Несмеянов. О. Вячеслав обладал прекрасным тенором, а Дмитрий Архипович был хорошим регентом.

¹ Архиепископ Феофил (Богоявленский) в 1927–1933 годах управлял Краснодарской и Кубанской епархией, в 1933 году — Могилёвской, а в 1937 снова Краснодарской и Кубанской.

Весной 1925 г. Пасхальную заутреню служили у Митрополита Кирилла. Пение было настолько красивое, что около избы собрались зыряне, которые никогда не слыхали такого пения.

Через несколько дней после этого НКВД разогнал часть священников по соседним деревням и запретил служение дома. Мы стали ходить в местный храм. Дмитрий Архипович получил разрешение от местного священника петь вторым хором в церкви. У него были ноты Бортнянского, Турчанинова и др. Он организовал хор из пяти священников, а солистом этого хора была я.

Епископ Феофил приходил к нам очень часто. Он был простой, весёлый. Приходя к нам, он играл со мной в куклы и другие игры. Однажды его вызвали в НКВД и велели собираться в отъезд за 70 км вверх по Вычегде в село Пожег. Из-за мелководья пароходы поднимались по Вычегде очень редко, может быть раз за сезон. Но тут как раз должен был туда пойти пароход. На другой день мы проводили владыку.

Через некоторое время к нам пришел священник из Пожега, принес письмо от владыки и что-то в корзине, сказав, что это для меня. В корзине оказался маленький живой поросенок. В письме владыка написал: «Посылаю Ниночке поля». Так зыряне зовут поросят.

За чаем священник рассказал, что перед приездом владыки он под утро во сне слышит голос: «Встань, выйди, встретить Преосвященного». Он подумал, что это ему приснилось и продолжил спать. Слышит то же второй раз, но и на второй раз он не реагировал, и только на третий раз встал и рассказал это жене, которая уже готовила еду на кухне. Жена сказала, что слышала от женщин, якобы должен прийти пароход, и посоветовала ему выйти на пристань, где он увидел, что действительно ждут парохода. Вскоре пришла «Ветлуга» и на ней приехал епископ Феофил. Священник встретил его, привел к себе, а потом нашел владыке комнату у хороших хозяев. Зыряне, узнав о приезде высланного архиерея, старались встретить его, чем могли: кто тащил молоко, кто яйца и т.д. Кто-то принес владыке живого поросенка. Но для чего архиерею живой поросенок? Не будет же он его растить, тем более что монахи мяса не едят. Однако не взять поросенка значило обидеть принесшего человека. Владыка взял этого поросенка, и когда священник по своим делам поехал в Усть-Кулом, он попросил его отвезти поросенка нам. Мы его подрастили и съели.

В марте 1926 г. кончился срок ссылки папы и епископа Николая. Последний немедленно уехал из Усть-Кулома на лошадях, а мы остались ждать навигации до мая месяца».

Служение в Греческой церкви великомученика Димитрия

«Мы вернулись в Ленинград, — пишет далее Нина Петровна, — в мае 1926 г. и поселились в квартире, где жил дядя Арся, на пр. Огородникова, д. 4, кв. 5. Бабушки уже не было. Мы занимали две комнатки по 10 квадратных метров. Туда сейчас же перевезли рояль, и я опять начала заниматься музыкой с той же учительницей. Папа стал служить в Греческом храме на Лиговке (теперь на этом месте концертный зал «Октябрьский»). Там был чудный хор, в котором пели артисты, в том числе Атлантов и его сестра Верочка.

Осенью 1927 г. меня отдали в школу на Лермонтовском проспекте, сразу в 7-й класс, так как я была основательно подготовлена родителями.

В школе я училась хорошо, т.к. мои родители продолжали опекать мою учебу. Вообще воспитывали меня очень строго. Глафира Ивановна, которая всегда шила мне платья, вспоминает, как меня одевали. Новое платье мне никогда не давали носить. Его вешали в шкаф, но когда я из него вырасту или пополнею, тогда та же Глафира Ивановна его переделывала и только после этого я его носила. Платья шили самые простые. Смотреться в зеркало мне запрещалось. Всякое кокетство из меня выкорчевывалось. Пальто я носила до тех пор, пока его можно было удлинить, а новое шили очень длинным, на вырост.

Белая фетровая шапочка, вишневое модное пальто с котиковым воротником, фетровые боты — все это было для меня недоступными предметами. Я носила зимой или валенки, или старые суконные ботинки, которые сама и штопала.

В зрелом возрасте я поняла правильность такого воспитания. Родители подготовили меня этим к той дальнейшей тяжелой жизни, которая выпала на мою долю.

Все эти годы было, вернее, продолжалось, большое гонение на религию. В пасхальные заутрени молодежь совершенно безнаказанно хулиганила в храмах, да и не только в Пасху. Влезет в церковь толпа и заорёт: «Пожар!». Народ, конечно, перепугается, и начинается паника. При встрече со священником молодежь начинала форменно бесноваться, крутиться, дразниться, распевать глупейшие песни и т.д.

Однажды был такой случай: мы шли по Лермонтовскому проспекту домой. Впереди папа (с кем, не помню), а сзади я с мамой. Папа всегда ходил в рясе. Навстречу нам по панели шли трое парней. Когда они поравнялись с папой, один из них развернулся и сильно ударил папу по шее. От неожиданного удара папа упал, а хулиганы с хохотом убежали. Хорошо еще, что падение папы оказалось без сильных повреждений. С тех пор я ужасно волновалась, когда папе надо было

куда-нибудь идти, всегда просила его взять с собой кого-нибудь в провожатые, и успокаивалась только тогда, когда папа возвращался домой».

Вторая ссылка в Пинегу

«В марте 1929 г., — пишет далее Нина Петровна, — папу опять арестовали. Все лето он сидел в Ленинграде на ул. Воинова, 25, но потом его приговорили к ссылке в северный край, в Пинегу¹, на три года и повезли в Архангельск.

О его отъезде мы опять узнали случайно: прибежала Танюрка Сидорова² и сообщила, что папу повели на Московский вокзал. Оказывается, партию арестованных вели по Лиговке, а на Лиговке была гробовая мастерская, владелец которой знал папу в лицо и был хорошо знаком с Василием Григорьевичем³. Взглянув случайно в окно, этот гробовщик увидел проходившую мимо партию арестованных и среди них папу. Он тут же позвонил по телефону Сидоровым и они послали Танюрку сообщить нам об этом. Мы, конечно, сразу же поехали на Московский вокзал и успели проводить папу. Он уже сидел в вагоне, но в окно мы друг друга видели.

В Архангельске папу освободили из заключения с тем, чтобы дальнейший путь в Пинегу он совершал «своим ходом». Папа остановился у родных. Мы с мамой поехали в Архангельск и здесь встретились с папой и отправились с ним вместе на пароходе в Пинегу. Ехали мы в трюме, который был битком набит народом. В это время началось раскулачивание, и на пароходе везли большую партию «кулаков», высланных в северные лагеря (Усевлон). Были не только русские, но и якуты. В трюме было тесно и грязно, сидели на своих вещах. Там к папе подошла одна женщина и, разговорившись, рассказала, что родители ее мужа Володина были когда-то владельцами Пинежского пароходства, за что ее муж был арестован и пропал без вести. Сама она дочь архангельских купцов Кырпаловых. Ездил в Архангельск, где у нее были какие-то родственники, чтобы привезти пропитание детям. В Пинеге она живет с 5 детьми в одной комнате, в подвале бывшего собственного дома.

Она рассказала кое-что о Пинеге, а при подходе к пристани показала единственный в Пинеге 2-этажный каменный дом, который тоже когда-то принадлежал им.

¹ Отметим, что поселок Пинега, как и местечко Сура, где родился святой праведный Иоанн Кронштадтский, расположены на берегу одной и той же реки Пинега.

² Упомянутая выше двоюродная сестра Нины Петровны.

³ Отец Тани Сидоровой.

Так как мы приехали поздно, почти ночью, то она привела нас к себе. Комната ее была нищенской. Когда мы вошли, со всех углов стали подниматься головы спавших детей. Они ждали, привезла ли им мать что-нибудь поесть. Старшей девочке — Стасе — было лет 16–17, а самому младшему — лет 6–7. Мы пробыли у нее ночь и утром пошли по ее указанию искать помещение. Мы сняли комнату в конце села, в деревне Воевала у двух старичков, мужа и жены Клобуновых. Прожили мы с папой недолго и уехали в Ленинград в октябре 1929 г.

Папа, оставшись один в Пинеге, вскоре почему-то переехал в другую комнату к хозяевам Суриным. В это время началась коллективизация, и у папиного хозяина забрали в колхоз лошадь, которая на другой же день вернулась обратно, и бедному хозяину со слезами пришлось опять водворять ее в колхоз.

На следующий год мы опять поехали к папе в Пинегу. Раскулачивание в это время продолжалось. Трудоспособных мужчин гнали на лесозаготовки, а стариков и женщин с детьми поселяли в других местах. Из окон папиной комнаты было видно, как на противоположном берегу реки Пинегы эти несчастные старики и женщины с детьми находились под открытым небом! Они жгли костры, т.к. была осень, да еще на Севере. Многие из них ходили по деревне, прося милостыню. Помню, однажды пришел к нашему дому старик — «кулак». Это был красивый русский крестьянин с седой бородой. Когда я вынесла ему кусок хлеба, он сказал: «Когда-то я сам давал нищим хлеб, а теперь мне приходится просить милостыню».

Пришла одна молодая женщина с грудным ребенком на руках. Она попросила какую-нибудь тряпицу завернуть ребенка, т.к. при раскулачивании с ребенка сорвали одеяло...

И все они жили под открытым небом на Севере, в осеннее время!!! Не знаю, сколько времени держали этих людей в таких условиях, но в октябре месяце они еще там были. Сколько их умерло от голода и от холода — один Бог знает!

В этом году перед нашим приездом папа был сильно болен воспалением лёгких. Вот из-за чего это произошло. В деревню приехал милиционер и стал сгонять всех ссыльных на лесозаготовки. Папу тоже погнали. Ему дали лодку и велели куда-то ехать, а река была запружена лесом. Папа хорошо умел грести, но ему мешали бревна. А десятник с берега орал: «Потопишь лодку — убью». Папе ничего не оставалось, как выскочить из лодки в воду и подвести лодку к берегу. Естественно, что он промок, простудился и заболел. И только мамины медицинские способности поставили его на ноги.

На следующий год папу переселили на Боровые озера. Находились они, не знаю точно, километрах в 50 от Пинегы. Там были построены бараки для усев-

лоновцев, которых перевезли куда-то дальше, а на их место привезли духовенство и монахинь. Мы с мамой туда поехали. Ехать можно было только летом на лошади. Папина хозяйка взяла в колхозе лошадь и отвезла нас.

Боровые озера произвели на меня сильное впечатление своей красотой. Это был чистейший сосновый бор. Высокие, стройные сосны стояли, как свечи, и поскольку они были внизу голые, то лес казался прозрачным. Земля была покрыта светло-серым, тоже чистым, мхом, усеянным сплошь брусничкой и грибами подосиновиками. Несмотря на кажущуюся прозрачность, ходить по лесу было очень страшно, т.к. можно было легко заблудиться. Дело в том, что в эти места заходили только охотники зимой на лыжах, от которых на мху оставались следы, производящие впечатление дороги. Но они петляли, и если идти по этим следам, то на дорогу не выберешься, а наоборот — заблудишься. В лесу часто встречались «мурги», т.е. большие ямы, в которых медведи засыпают на зиму. Летом же этих зверюшек легко было можно встретить в лесу.

Поселение Боровых озер состояло из 3 барачков, расположенных на высоком берегу. Перегородок в барачках не было, отгораживались просто тряпочными занавесками. Мебели никакой, кроме нар и какого-то стола. В папином барачке жили кроме него еще две или три монахини.

Рядом с барачками находилось кладбище умерших, правильнее — погибших усеволоновцев; то есть могил как таковых не было, были какие-то кочки, и в них воткнуты колышки с надписанной химическим карандашом фамилией. Когда смотришь на это поселение со стороны, то создается впечатление, что это очень бедненькая русская обитель: наличие священников, монахинь, спящих по берегу и полощущих белье в озере, абсолютная тишина вокруг. Даже НКВД здесь не было, он находился ближе к Пинеге, но сотрудники часто наезжали или для проверки «наличия», или для направления на работу. Так, однажды стали гнать на работу монахинь. Одна старая монахиня лежала на нарах больная. Не поверив ей, что она не может встать, её взяли за ноги и сбросили с нар, поломав ей позвоночник. Вскоре она скончалась в ужасных мучениях. Хлеб НКВД привозил туда один раз в неделю, выдавая (продавая) из какого-то расчета на одного человека.

Этот период папиной ссылки мало сохранился в моей памяти. Я даже не помню, можно ли было отправлять туда посылки с пропитанием. При приезде мы, конечно, привозили кое-что, но как дальше было — не помню. Пробыли мы там недолго и уехали в Ленинград.

Скитания после второй ссылки. Кончина в Боровичах

Весной 1932 г. папа вернулся из пинежской ссылки, но тут же началась паспортизация, и моим родителям паспортов не дали, предложив в десятидневный срок выехать «на 101-й километр».

На больших предприятиях паспортная система производилась по месту работы, а в случае каких-либо сомнений получение паспорта передавалось по месту жительства. Завод Марти, в котором я работала, к этому времени стал военным, засекреченным, и мне, конечно, там паспорта не дали. Пришлось идти в ЖАКТ. Тут я никогда не получила бы паспорта и должна была бы также выехать из Ленинграда, если бы не случилось одно обстоятельство. Председатель ЖАКТ, ярый «противник» моих родителей, был пьяница, и к моменту, когда я принесла свои документы, он допился до белой горячки. Его заместитель, очень симпатичный, интеллигентный молодой человек, видимо, пожалел девчонку и провернул мне получение паспорта.

Папа и мама, опять раскидав остатки вещей, поехали сначала в Лугу (125 км), где жила знакомая старушка и имела маленький домик в две комнатки. Но вскоре и там началась паспортизация, и родителям пришлось уезжать и оттуда. Они перебрались в Малую Вишеру. Знакомых там никого не было, а высланных по паспортизации («лишенцев») было много. Помещение найти было трудно. Они сняли угол у какой-то женщины сомнительного поведения.

В Вишере папа устроился работать на строительство бани рабочим. Когда он работал внизу, на земле, то сверху на него кто-то бросил кирпич и разбил ему голову. Папа долго болел.

Папина двоюродная сестра тетя Маня (Амосова Мария Константиновна) была монахиней Вышневолоцкого монастыря. Монастырь этот был закрыт, а монахи разогнаны кто куда. Тетя Маня была арестована и выслана в Казахстан. После ссылки она по приглашению одной монахини, жившей в Боровичах, приехала к ней.

Монахиня эта, Мария Платоновна Платонова, в 14-летнем возрасте была отдана своей матерью в Вышневолоцкий монастырь. Тётя Маня занимала в монастыре большую должность и, видя такую девочку, хиленькую, но очень смышленную, решила взять ее в свою канцелярию, и этим она спасла ее от не всегда посылных монастырских «послушаний». При разгоне монастыря Мария Платоновна поехала в Боровичи к своим родителям, у которых был там маленький домик. Чувствуя благодарность к тётё Мане за ее отношение, Мария Платоновна и взяла к себе на житие вернувшемуся из ссылки тётю Маню.

Протоиерей Петр Никандрович Ивановский с дочерью Ниной Петровной. Боровичи, 1934 г.

Мой дядя Арся и тётя Маня с молодых лет были большими друзьями. Они даже как-то пошутили, что когда они оба умрут и будут похоронены, то постучат друг к другу в стенку гроба. До революции это было бы несбыточно, т.к. тетя Маня была бы похоронена на монастырском кладбище, а дядя Арся — в Петрограде. Но судьба решила иначе; об этом чуть-чуть дальше.

Из переписки дяди Арси и тётки Мани и она, и Мария Платоновна узнали о скитаниях моих родителей. Тогда Мария Платоновна предложила им переехать в Боровичи, где обещала дать комнату в своем доме.

Так и оказались мои родители в Боровичах.

В 1934 г. дядя Арся умер от туберкулеза лёгких. Перед его смертью папа привёз его в Боровичи, так как в Ленинграде ухаживать за ним было некому. В Боровичах он прожил всего 5 дней.

Года через два умерла и тетя Маня и была похоронена настолько близко к дяде Арсе, что при рытье могилы его гроб был виден. Теперь им ничего не мешало стучать друг другу в стенки гроба...»

В 1935 году, 1 марта отец Пётр тайно обвенчал свою дочь Нину Петровну с Александром Ивановичем Биллем. Венчание проходило в Ленинграде, в храме Богоявления на Гутуевском острове, где у него был знакомый священник, давший ему такую возможность. Летом 1936 года, уже в Боровичах, отец Пётр тайно крестил своего внука Александра. Он очень его любил и называл «внучок-крестничок».

«В Боровичах, — вспоминает Нина Петровна, — родители жили сначала в доме. Но потом папа попросил у Марии Платоновны разрешения отремонтировать стоявшую на огороде старую баньку. Своими руками он сделал её пригодною для жилья, и они жили там втроем с внуком.

Папа работал в гробовой мастерской. Это была очень тяжелая физическая работа. Как-то, шутя, он пообещал матери Марии Платоновны — старушке, которая от старости сидела, не вставая, за печкой и мечтала о смерти, — сделать для неё гроб. Но 31 августа 1937 года отец Петр Ивановский скончался от тяжелой болезни (цирроз печени). «Старушка же сидела за печкой и плакала: «Вот батюшка обещал мне сделать гроб, а сам умер». Гроб для отца Петра изготовили в мастерской, но когда хотели положить в него папу, то он оказался тесен, т.к. священников хоронят в облачении и дают в руки Крест и Евангелие. Тогда был заказан другой гроб, а первый поставили на чердак в ожидании смерти старушки-долгожительницы. Таким образом, папа своё обещание выполнил».

На похороны в Боровичи приехали родной брат отца Петра Александр Никандрович Ивановский и Глафира Ивановна Ларионова. Похоронили протоиерея Петра на кладбище, которое располагалось около главного Успенского собора города. В 50-е годы прошлого столетия кладбище было закрыто, а в 60-е собор был превращен в клуб, а кладбище уничтожено.

В 1952 году 24 июля в Боровичах скончалась и матушка отца Петра — Мария Николаевна.

Эпилог

Дочь протоиерея Петра в своих воспоминаниях не прикасается к сокровенным сторонам духовной жизни отца. Это объясняется тем духовным целомудрием, которое привито было ей протоиереем Петром. Очень ярко и просто описала она факты из жизни своего отца, которые говорят о том, как любили его рабочие фабрики при Экспедиции заготовления государственных бумаг (в советское время фабрика стала называться ГОЗНАК). Они не дали его арестовать в 1921 году. А в 1923-м, когда отец Пётр находился в Москве в Бутырской тюрьме, рабочие Московского филиала этой фабрики предоставили семье отца Петра своё жильё.

Письмо от священномученика Вениамина отец Пётр получил в августе 1922 года. В нём есть такие слова:

Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо. С эти заветом священномученика и отправился отец Пётр в мае 1923 года в первую ссылку в Зырянский край, в Усть-Кулом. Вскоре сюда приехала и его матушка с дочерью. И здесь Всемилостивый Господь послал им утешение. Он удостоил их гостеприимно встретить трёх прибывших сюда в ссылку архиереев и нескольких священников, угостить их с дороги и устроить на поселение у добрых зырян. И потом высокие гости часто приходили к ним. Вот где и как послужил отец Пётр нашим новым великим святым: священномученику Митрополиту Кириллу (Смирнову) и исповеднику святителю Афанасию (Сахарову).

Видя, какие тяжелые времена наступили, священномученик Вениамин обращается в своем письме с призывом:

Веры надо больше, больше иметь её нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, учёность и т.п. и дать место благодати Божией.

Протоиерей Пётр, имея высшее образование и светское, и духовное, в конце жизни смиренно работает столяром в гробовой мастерской. *Забыта учёность* — это явный, зримый факт. А вот то, как было дано *место благодати Божией*, — это непостижимо.

В некоторой мере приоткрывается эта завеса через следующую дарственную надпись¹ протоиерея Петра на святом Евангелии:

*«В день окончания школы доброй ученице Глафире Ларионовой.
Видишь, что когда огонь коснется ладана или иного благоуханного порошка, тотчас курение дыма бывает и приятное благоухание восходит: так точно бывает, когда*

¹ Она написана по орфографии, которая тогда использовалась.

сердца человеческого коснется благодать Святаго Духа. Тогда возстанет в таком сердце воздыхание и молитва истинная, как бы благоухание от огня возбужденное и восходит в высоту к Небесному Отцу, и обретает у Него благодать и милость. Этот случай нас учит просить у Бога Духа Святаго, дабы Он возбуждал в сердцах наших истинную молитву».

(Св. Тихон Задонский)

Этой *доброй ученицей* является неоднократно упоминаемая Ниной Петровной Глафира Ивановна. Подарил ей отец Пётр Святое Евангелие в 1917 году, а в 1936 году она стала крёстной матерью его внука Александра Александровича. Через год не стало отца Петра и мужа Нины Петровны. И Глафира Ивановна, как только могла, старалась восполнить то, чего лишился её крёстный сын. Пожелал отец Петр своей *доброй ученице* стяжать *истинную молитву*. И она, как могла, стремилась исполнить этот завет своего духовного отца. Силу её молитвы реально ощущали и её крестник, и его мать. Так жены-мироносицы, подобные Глафире Ивановне, сохраняли живые соки в зернах **Живого колоса** в те суровые годы.

Святые, как пишет Апостол Павел в послании к Евреям, *ка́мением поби́ени бы́ша, претрѣни бы́ша, искуше́ни бы́ша, уби́йством мечá умрѣша, проидѣша в мѣлотех и в ко́зиях ко́жах, лишѣни, скорбя́ще, озлоблени: ѡхже не бе дѣстоин весь мир в пусты́нех скита́ющесе и в гора́х и в верте́пах и в про́пастех земны́х. И сѣи вси послу́шесвовани бы́вше ве́рою, не прия́ша обетования, Богу лу́чшее что о нас предзрѣвшу, да не без нас совершенство прѣимут* (Евр. 11, 37–40).

Взирая во свете этих слов Апостола Павла на аресты и ссылки отца Петра, на скитания его по Новгородской земле и на кончину в Боровичах, поклонимся Промыслу Божию и «возблагодарим Бога за всё, за всё!»

В заключение приведем следующие слова отца Петра из его предисловия к **«Живому колосу»** (стр. XIV):

«Венец нашей нравственной жизни и трудной внутренней борьбы с собою составляет будущая вечная блаженная жизнь, по слову Божию, Побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем (Апк. 3,21). К этой жизни в общении с ангелами и всеми святыми призывал громко о. Иоанн во все 53 года своего священства».

Ещё громче он призывает нас к этому, «*видя Господа Лицом к Лицу*».

* * *

Дочери протоиерея Петра Ивановского удалось сохранить не только письмо-завещание митрополита Вениамина, но и маленькую записную книжку своего отца. В ней имеется *молитва отца Иоанна Кронштадтского о живых*. С содержанием данной книги о священномученике Вениамине эта молитва связана следующим образом. В начале жития священномученика приводятся слова старца Силуана о том, что *отец Иоанн Кронштадтский не рассеивался и не терял душевного мира, потому что любил народ и не переставал за него молиться Господу:*

«Господи, даруй мир Твой людям Твоим».

«Господи, даруй рабам Твоим Духа Твоего Святого, чтобы Он согревал сердца их любовью Твоею и наставлял их на всякую истину и добро».

*«Господи, хочу, чтобы мир Твой был во всем народе Твоем, который Ты **возлюбил до конца** (Ин. 13, 1), и **дал Сына Своего Единородного** (Ин. 3, 16), дабы спасти мир».*

*«Господи, даруй им благодать Твою, чтобы они в мире и любви познали Тебя, и возлюбили бы, и сказали бы, подобно апостолам на Фаворе: **Добро нам, Господи, быть с Тобою** (Мф. 17, 4)».*

Старец Силуан не слышал, конечно, этих замечательных слов сокровенной молитвы святого праведного Иоанна Кронштадтского. Они открыты были ему по дару Духа Святого. Знаменательно, что данные слова по смыслу созвучны тем словам, которые содержит упомянутая выше *молитва отца Иоанна Кронштадтского о живых*. Поэтому она и приводится ниже в полном соответствии с рукописью отца Петра.

Молитва о. Иоанна Кронштадтского о живых

Едине Святый и Праведный! Удостой меня без осуждения предстать пред лицом славы Твоея, иметь неукоризненный доступ к святому жертвеннику Твоему, приступать с чистою совестью к таинственной Трапезе Твоей, совершать с сокрушенным и смиренным духом, с благоговением и пламенной любовью к Тебе спасительные таинства Твои, возносить безкровную жертву Твою о прощении моих грехов и народа Твоего! Не отвергай от слуха Твоего молений моих, но принимай с благоволением на пренебесный, мысленный Твой жертвенник молитвы, прошения, благодарения мои за Церковь Твою, за земное отечество мое, за весь род человеческий, наипаче же за тех, которых душевное спасение вверено мне Твоим промыслом! Прости вси про-

ступки и грехи их, избавь их от всякой скорби, бедствий и гнева Твоего, охраняй души и тела их святыми Твоими Ангелами, соблюдай их супружества в единокровии, возвращай и содействуй в воспитании детей их, наполняй их дома всякими благами и обилием, научи целомудрию и святые девиц и юношей Твоею благодатию, сохраняй супружества в вере, единомыслии и непорочности, подкрепляй преклонных летами, питай Твоим промыслом нищих, усладяй горести скорбящих, исцеляй недужных, обращай на путь покаяния согрешающих, сохрани от потопления плавающих по рекам и морям и сопровождай путешествующих! Избави нашу и все страны мира от засухи, зноя, наводнений, от голода, и моровой язвы, от тлетворных ветров и землетрясений, спасай людей Твоих от огня, меча, нашествия врагов и междоусобной брани; излей на весь мир Твой, наипаче же на страну нашу богатую Твою милость, благослови ея жителей от тука земного и от росы небесная, призирай на их труды и занятия Твоим благоволением, ниспосли им благорастворение воздушных, оплодотворяй их нивы и пажити, и все прошения их, которые им на пользу, исполняй Твоим всемогуществом! Приведи в познание истины и совокупи со святою Твоею Церковью блуждающих по стремнинам ересей и расколов, привлеки к Ней всех людей, весь род человеческий, распространи, утверди и возвысь благодатное Царство Твое в мире сем, да всеми народами и языками, как бы одним сердцем и устами и на земли, как на небеси, прославится великолепое имя Твое, Христе Спасителю наш, со Безначальным Твоим Отцем, Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом во веки веков. Аминь.